

ЛОРА
ЛИ БУРК

Как избавиться
от герцога
за 10 дней

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г95

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Laura Lee Guhrke

HOW TO LOSE A DUKE IN TEN DAYS

Перевод с английского *Н. Ф. Орловой*

Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Гурк, Лора Ли.

Г95   Как избавиться от герцога за 10 дней : роман /
Лора Ли Гурк ; [пер. с англ. Н. Ф. Орловой]. — Моск-
ва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088951-8

Условия фиктивного брака американской наследницы Эди Энн Джуэл и Стюарта, герцога Маргрейва, были просты и ясны: сразу после свадьбы жених отправляется в Африку, прихватив значительное приданое невесты, достаточное для его географических исследований, а она, в свою очередь, наслаждается блеском лондонского света и новым титулом.

Однако что-то пошло не так, и пять лет спустя Стюарт возвращается в Англию — и, похоже, окончательно. Совершенно чужие друг другу мужчина и женщина оказываются под одной крышей и вынуждены изображать любящую пару. Возненавидят ли они друг друга? Или однажды игра станет реальностью, а фальшивая любовь — настоящей?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Laura Lee Guhrke, 2014

© Перевод. Н. Ф. Орлова, 2015

ISBN 978-5-17-088951-8   © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Его разбудил нескончаемый гул голосов: монотонное пение, повторяющаяся мелодия постепенно заставили прийти в себя. Первое, что он почувствовал, проснувшись, — боль, и тогда попытался снова заснуть, вернуться в забытие, но, увы, для этого было слишком поздно.

Причиной тому было это странное пение. Оно продолжалось и продолжалось, и чем больше он старался игнорировать его, тем явственней оно врзалось в его мозг. Он хотел заткнуть уши и обрести благословенную тишину, чтобы снова погрузиться в сон, но оказалось, что руки не слушаются. Как странно.

Голова раскалывалась от боли, будто тысячи раскаленных добела игл впились в кожу, а все нутро сковало холод, словно его скелет состоял из ледяных сосулек. А нога? Что-то не так и с ногой: боль, зарождающаяся в правом бедре, распространялась вверх по всему телу.

Он попытался открыть глаза, чтобы понять, что случилось с ногой, но и это было выше его сил. Отяжелевшие веки не слушались. Все расплывалось в его расфокусированном сознании. Так что же с ним случилось?

Он старался вспомнить, но и это, как оказалось, требовало усилий. Но тут песнопение

затихло, сменившись приглушенным шепотом, и он опять погрузился в сон.

Видения и звуки плясали в его мозгу и менялись с такой быстротой, что он не мог понять, что это — сон или явь. Расплывчатое желто-коричневое пятно, обжигающая боль и резкий звук выстрелов, эхом отозвавшийся в холмах.

Видения сменяли одно другое, и теперь он видел девушку в синем шелковом платье, высокую, худощавую, с лицом, щедро усыпанным веснушками, титиановским золотом волос и яркими зелеными глазами. Она смотрела прямо на него, но никакого намека на кокетство не было в ее взоре, как не было и многообещающей улыбки на бледно-розовых полных губах. Она стояла так неподвижно, что ее можно было принять за статую. И вместе с тем он никогда не видел более живого создания.

Нет, она не может быть здесь, в диких просторах Кении. Она в Англии. Видение тускнело и растворялось в тумане, и как он ни старался удержать его, все же исчезло бесследно. Его мозг слишком ослабел, чтобы подчиняться желаниям.

Что-то холодное и влажное коснулось его лица: сначала лба, затем губ и носа. Он попытался помотать головой и тут же скривился от боли. Он терпеть не мог, когда кто-то прикасался к лицу, это всегда рождало у него ощущение удушья. Джонс знал это. Где Джонс? Что делает?

Влажная тряпица вновь прошла по его лицу, и на этот раз ему удалось увернуться. И тут же тело пронзила дрожь. Он чувствовал эту произвольную дрожь глубоко внутри. Его нутро сковал холод.

Это озадачило. Он в Африке, и здесь никогда
4 прежде ему не бывало холодно. В Англии дру-

гое дело: и холод, и постоянная сырость, и морозящий дождь, — и все это вдобавок к надменности, классовым различиям и незыблемости традиций.

Но даже эти неприятные мысли не смогли заслонить другую: «Время возвращаться домой».

Он тут же попытался ее отбросить. Он в Африке и еще не закончил свою работу. Ведь он в Африке, не так ли? Эта странная неуверенность заставила его открыть глаза и приподнять голову, и в этот же момент он почувствовал головокружение, а к горлу подступила тошнота. Он зажмурился, ожидая, что тошнота пройдет, а когда снова открыл глаза, увидел вещи, которые были знакомы ему до боли: брезентовая крыша и стены палатки, выдавший виды черный стол, груды шкур, свернутые в рулон карты в корзине, дорожный сундук из черной кожи, — и которые неизменно сопровождали его последние пять лет. Глубоко вздохнув, он ощутил запах пота и саванны и испытал облегчение.

Двое мужчин, чья кожа темно-кофейного цвета сейчас казалась совсем черной, стояли у входа в палатку. Двое других опустились на колени по другую сторону его ложа, все еще бормоча эти дьявольские песнопения, но почему-то Джонса с ними не было. Черт побери, где его носит?

Он попытался приподняться, но один из незнакомцев, стоявших на коленях, не позволил, положив ладонь на грудь. Слишком слабый, чтобы сопротивляться, он опять опустился на подушки и закрыл глаза. И вновь перед мысленным взором возникла та девушка. Ее зеленые глаза сияли как изумруды, а ярко-рыжие волосы, казалось, горели огнем в свете газовых ламп, освещавших бальный зал.

Бальный зал? Он, должно быть, спит и видит сон: прошли годы с тех пор, как он в по-

следний раз был на балу. И да, он знал эту девушку. Ее лицо вновь удалилось, а его место в воспаленном сознании заняли четко расчерченные квадраты бледно-зеленых полей и золотистых лугов, очертания которых ограничивались более темной зеленью живых изгородей. Все эти земли, простиравшиеся перед ним до самого горизонта, испокон веков принадлежали Маргрейвам. Он старался повернуться к ним спиной, и когда это удалось, перед ним открылся залив Уош, а за ним — бескрайние морские просторы. И тогда запах саванны исчез, а на смену ему пришли совсем другие ароматы: земли, медоносных лугов, дымных торфяников и... вот уж чудо: домашний аромат жареного гуся.

«Время возвращаться домой».

Эта мысль, снова возникнув в его мозгу, принесла с собой неизбежность, которая перекрыла гул и монотонные звуки.

Поля, живые изгороди, океан, глаза той девушки — все эти видения возникли перед его мысленным взором, соединившись в один сверкающий живой ковер, затем растаяли, но не в тумане, а улетев прочь словно перышко, поднятое с земли порывом ветра. И потом он увидел... Ничего. Все вокруг него утопало во тьме, и он вздрогнул от внезапного приступа страха, испытывая то самое ощущение, которое возникало, когда он прятался в буже. Он знал — опасность рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Внезапно песнопения прекратились. Голоса долетали до него краткими вскриками, тревожные и раздраженные, и он узнал наречие кикуйю*. Хоть он бегло

---

* Народ группы банту в Кении. — *Здесь и далее примеч. пер.*

и говорил на диалектах банту, включая и этот, сейчас не вполне понимал, о чем речь.

Голоса набирали силу, становились все выше, достигали почти неистовой высоты, и внезапно он почувствовал, что его приподнимают с постели. Острая боль вновь пронзила тело. Он вскрикнул, но, увы, ни звука не вышло из его пересохшего рта.

Они куда-то его несли. Боль была мучительной, особенно в бедре, и ему казалось, что кости в любой момент могут сломаться, как засохшие ветви дерева. Они несли его вечность, но наконец остановились, опустили на землю, на сухую шуршащую траву, а затем он услышал звук металла, вгрызающегося в землю. Что, ради всего святого, делают эти люди?

Неимоверным усилием он заставил себя вновь приоткрыть глаза, и первое, что увидел, был серебряный серп луны, но его очертания были неясными на фоне черного неба. Он поморгал, покрутил головой и снова поморгал, пока луна не вошла в фокус.

Тонкий серп народившейся африканской луны, окруженной сверкающими бриллиантами звезд, и все это на фоне черного бархата неба — какой знакомый вид! Каждую ночь, когда все уже спали и костер потихоньку догорал, он, растянувшись в плетеном кресле, блаженно вытянув ноги, чувствуя боль во всем теле после дневного сафари, потягивал свой вечерний кофе и любовался ночным небом. В Кении такие волшебные ночи, как эта, обычное дело.

Не то что в Англии, где увидеть нечто подобное случалось не часто. Там, независимо день это или ночь, небо, как правило, было затянуто тучами, в воздухе, сыром и холодном, висела изморось, готовая пролиться дождем. Но летом в ясный день такое можно было наблюдать и в Англии. Игры с мячом,

крокет, пикники на лужайке в Хайклифе с хорошим шампанским и... клубникой.

При мысли о клубнике рот наполнился слюной. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ел ее. Казалось, где-то в другой жизни.

«Время возвращаться домой».

И снова перед его мысленным взором возникло лицо девушки. Тонкое и решительное, с бледной прозрачной кожей, казалось, светившейся под россыпью мелких веснушек, резким разлетом янтарных бровей, волевым подбородком, высокими скулами, золотом волос... Нет-нет, это было совсем не миленькое личико, но и некрасивым его вряд ли назовешь. Такие лица — пусть и мелькнувшие посреди бальной суеты — никогда уже не сможешь забыть.

Но это не просто какая-то девушка, нет, это его жена Эди. При этой мысли больно стеснило грудь, словно чья-то безжалостная рука сдавила сердце. Как странно, что такие ощущения вызывает у него женщина, которую он едва знал, а сентиментальные мысли — те места, которые не видел уже несколько лет. Еще более странно, что они преследовали его, несмотря на то что их разделяли тысячи миль, притягивали с такой силой, что невозможно было противиться, и он знал, что не останется здесь надолго. Пришло время возвращаться домой.

До него снова донеслись голоса, но слишком приглушенные, чтобы можно было разобрать слова. Мысли о доме оставили его. Повернув голову, он стал напряженно вглядываться в темноту и среди зарослей заметил тех самых мужчин, которых видел в своей палатке, но Джонса среди них по-прежнему не было.

Мужчины находились в нескольких шагах от него, и хотя темная кожа делала их почти не-

видимыми в ночной мгле, он их узнал. Это его люди. Он помнил их настолько хорошо, что даже в темноте мог бы опознать каждого.

У них в руках были английские лопаты — еще одна примечательная деталь: кикуйю никогда не использовали английские инструменты. Пока он наблюдал за ними, сознание медленно возвращалось, и все, что казалось непостижимым еще мгновение назад, теперь внезапно приобрело ясный и страшный смысл. Да, это его люди, лучшие из лучших, самые преданные, оказывали ему высочайшую честь, которой обычно удостоиваются только вожди племени: копали для него могилу.

Глава 1

Чай и скандал, согласно меткому замечанию писателя Уильяма Конгрива, следуют рука об руку испокон веков. И каждый сезон матроны из высших кругов британского общества пребывали в ожидании очередного скандала, чтобы посмаковать его за чашечкой душистого «Эрл Грея».

Их постоянным фаворитом по очевидным причинам был принц Уэльский. Кому, как не ему, думали леди, чьи родители так бесконечно глупы, и быть непремненным участником скандалов. Берти всегда приписывали множество пикантных подробностей.

Вот и маркиз Трабридж, пока не обзавелся семьей и не превратился в скучающего обывателя, также являлся постоянным источником сплетен. Впрочем, его супруга все еще представляла интерес для дам высшего общества, и хотя шок от этого брака прошел, многие все еще находили забавным, что бывшая леди Федерстон в очередной раз связала свою жизнь с повесой. Разве ее ничему не научило первое замужество? Заведения, что целый год после свадьбы она была вполне счастлива с Трабриджем, обычно встречали с недоверчивым удивлением и предостерегали молоденьких девиц рассказами об охотниках за богатыми невестами, убеждая, что каждая разумная девушка должна держаться от них подальше.

И когда доходили до этой темы, разговоры непременно сходились на герцогине Маргрейв.

Каждый знал, что герцог женился на ней из-за денег.

Да и потом, что еще могло подвигнуть его на этот шаг?

Уж конечно, не ее красота, говорили леди, которые, безусловно, находили себя более привлекательными. С ее-то ростом, худошавой фигурой... и потом, эти неуправляемые рыжие волосы. И, мои дорогие, как вообще можно рассуждать о красоте при наличии веснушек?

И уж конечно, не ее положение в обществе могло привлечь взгляд герцога. Еще до приезда в Англию Эди Энн Джуэлл была маленькой-мисс-никто-из-ниоткуда. Ее дед сколотил состояние на торговле мукой, бобами и беконом на Калифорнийском побережье в годы «золотой лихорадки». И хотя ее отец преумножил фамильное состояние аж в четыре раза, с умом вкладывая деньги в бумаги на Уолл-стрит, этот факт не произвел большого впечатления на нью-йоркский бомонд. В довершение всего громкий скандал нанес непоправимый вред ее репутации, и шанс войти в высшее общество Нью-Йорка был навсегда потерян. Зато, приехав в Лондон, в первый же сезон — не без участия леди Федерстон — маленькая-мисс-никто благодаря своим американским миллионам захомутала самого блестящего холостяка в городе (хотя и обремененного кучей долгов).

Пресса по обе стороны Атлантики объявила, что это брак по любви, и, казалось, так и было, но менее чем через месяц после свадьбы, когда публичная демонстрация любви закончилась (если эта любовь вообще имела место), произошло нечто странное. Воспользовавшись приданым жены, гер-

цог оплатил все долги, уехал в далекую Африку и до сих пор не вернулся.

Покинутая и одинокая герцогиня направила все свое внимание на благоустройство поместий Маргрейва. Слава богу, она имела компетентных управляющих и, что особенно важно, деньги, но все равно многие леди качали головами и тяжело вздыхали, сокрушаясь: «Вы только подумайте, какую ношу взвалила на себя эта молодая женщина».

Но было ли это для нее обязательным? Где это видно, чтобы герцогиня занималась такими делами, как обустройство поместий! Почтенные матроны обсуждали эту тему за сэндвичами с огурцом на хлебе из муки грубого помола, в то время как девицы, напротив, пытались защитить герцогиню и возлагали вину на герцога Маргрейва: мол, сам уехал и оставил молодую жену на произвол судьбы. Если бы герцог оставался дома, а не путешествовал столь долго в Африке, герцогине не пришлось бы выполнять его обязанности. Представители старшего поколения обычно указывали на существование младшего брата герцога — Сесила, которому и надлежало заниматься делами поместья в отсутствие герцога, но который ничего не делал, кроме как отпускал едкие замечания по поводу невежества герцогини в том, как следовало бы поставить дело. Да и что вообще можно ожидать от американки?

Причина в воспитании, как подытожила дискуссию одна из дам, выражая недоумение относительно переустройства поместий. Перекапывать сады, вести бухгалтерские книги, переносить с места на место фонтаны, которые были воздвигнуты более века назад, — это не дело герцогини. А какие изменения претерпело внутреннее убранство дома? Газовое освещение, ваннные комнаты и одному богу известно,

что еще, — подобные нововведения могли только лишить дом его красоты, нарушить гармонию и внести хаос в этот налаженный веками быт. А бедные слуги? Не стоит ли подумать о них? — говорили между собой дамы. Что делать целыми днями горничным, если не станет ночных горшков, которые нужно чистить?

И что думает обо всем этом семья? Вдовствующая герцогиня (мать герцога) придерживалась прогрессивных взглядов, но даже она не могла одобрить столь радикальные начинания. С другой стороны, сестра герцога, леди Надин, говорила каждому, что ей нравятся перемены в герцогском доме. Ну разумеется, что еще можно было от нее ждать? Она из тех милых, легкомысленных барышень, которых никогда не занимало то, что делали другие. Сесил тем не менее, конечно, не одобрял происходящее, потому и неудивительно, что так много времени проводил в Шотландии.

Кое-кто поговаривал, что герцогиня особенно искусна в любовных утехах. Другие недоумевали, как такое возможно, чтобы женщина, взвалив на себя обязанности мужчины, еще была способна и наслаждаться ими. Но в одном все дамы были единогласны — герцогиню следует пожалеть, а не осуждать. Бедняжка, говорили они, — а их очевидная радость тонко скрывалась за притворной заботой, — вынуждена заполнять пустоту дней мужскими делами, так как ее муж в Кении и у нее даже нет детей, которые могли бы скрасить ее одиночество. Да, бедная, бедная герцогиня!

А сама герцогиня, когда слышала все эти сетования в свой адрес, лишь посмеивалась. Если бы они только знали правду!

Такой брак вполне ее удовлетворял, хотя был и не тем, который могли бы одобрить британцы, учитывая отсутствие наследника, и не тем, что

пришелся бы по душе американцам, потому что не основывался на любви. И конечно, не о таком мечтала она в юности, но Саратога уничтожила все романтические мечтания, которые когда-то были ей присущи.

Достаточно лишь воспоминания об этом месте и о том, что там произошло, как тошнота подкатывала к горлу. Отвернувшись, чтобы Джоанна не могла видеть ее лица, Эди постаралась выбросить из головы события того горького дня, который навсегда изменил ее жизнь.

Подставив лицо солнечным лучам, которые омывали ее в открытой карете, она глубоко вдохнула свежий английский воздух, чтобы изгнать из памяти запах знойного дня в Саратоге и ощущение горячего потного дыхания Фредерика Ван Хозена на своем лице. Она старательно прислушивалась к стуку колес, дабы стереть звук собственных рыданий и тихое хихиканье нью-йоркского общества по поводу «этой бедняжки Эди Джуэлл».

Подобно птице феникс, восставшей из пепла, она сама сотворила для себя новую жизнь на обломках искореженной прошлой, и это помогло ей обрести себя. Она герцогиня без герцога, хозяйка без хозяина, инородный элемент в обществе. Да, все именно так, но ей нравилось такое положение. Ее теперешняя жизнь была вполне комфортной, безопасной и предсказуемой, как хорошо отлаженный механизм, и каждый аспект ее она могла контролировать.

Нет, все-таки не каждый, подумала Эди, беспокояно покосившись на свою пятнадцатилетнюю сестру, сидевшую сейчас напротив.

— Я все же не понимаю, почему мне следует поступить в школу, — будто подслушав ее мысли, сказала

Джоанна, открыв рот в первый раз с того момента, как они отъехали от дома, и, возможно,

в сто пятый с тех пор, как решение было принято. — Почему мне просто нельзя жить дома с тобой и миссис Симмонс, как было всегда?

Больше всего на свете Эди хотела бы этого: сестра еще не села в поезд, а она уже скучала по ней, — но знала, что будет плохо для них обеих, если она покажет свои истинные чувства. Именно поэтому Эди старалась продемонстрировать полную индифферентность к доводам Джоанны.

— Я представить не могу, что бедной миссис Симмонс пришлось бы терпеть тебя дома еще целый год, — попыталась Эди отшутиться. — Ты довела бы ее до смерти.

— Причина не в этом. — Золотисто-карие глаза Джоанны в упор устали на сестру. — Все дело в сигаретах. Господи, да знай я, что ты из-за этого можешь отослать меня в школу, никогда в жизни не сделала бы ничего подобного.

— А, значит, ты так ничего и не поняла, если рассматриваешь это как наказание?

Джоанна вспыхнула.

— Это неправда! Ты даже не представляешь, как я переживаю. Поверь, Эди, я ужасно переживаю.

— Так и должно быть, — вмешалась в разговор миссис Симмонс. — Сигареты? Фу! Гадкая привычка, которая совершенно не вяжется со статусом леди.

Джоанна оставила слова гувернантки без комментариев, потому что из долгого опыта знала: все ее угрозы тщетны, — и сфокусировала взгляд на сестре. Под соломенной шляпкой большие карие глаза девочки блестели от слез.

— Не могу поверить, что ты выгоняешь меня из дому!

Сердце Эди сжалось от боли в ответ на эти слова, хотя она прекрасно понимала, что се-